

ИНДЕКС АГРАРНО-СОЦИАЛЬНОГО ДИСБАЛАНСА: МЕТОДИКА ОЦЕНКИ И ТИПОЛОГИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)

© 2026 Баженова В. С., Малушко Д. Ж., Шобдоева Н. В., Полозова Т. В., Ванчикова Е. Н. ✉

Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова

(г. Улан-Удэ, Российская Федерация)

✉ evanch@mail.ru

Реферат. Устойчивое развитие сельских территорий сдерживается дисбалансом между экономической эффективностью агропромышленного комплекса и качеством жизни населения, что провоцирует депопуляцию даже при растущем производстве. В регионах с резко континентальным климатом и традиционной аграрной специализацией эта проблема приобретает особую остроту. В Республике Бурятия, где 75% валовой продукции сельского хозяйства приходится на животноводство, а миграционный отток сельских жителей остается устойчивым трендом, выполнена количественная оценка данного дисбаланса и типологизация муниципальных районов. В основу работы положен авторский Индекс аграрно-социального дисбаланса (ИАСД), агрегирующий показатели продуктивности сельского хозяйства, природно-климатические условия и качество жизни (обеспеченность социальной инфраструктурой, развитие транспортной и цифровой связи, уровень доходов и диверсификацию занятости). Расчет индекса для сельских муниципальных образований региона позволил выделить три типа территорий: 1) «Эффективность без перспектив» ($\text{ИАСД} > 1,2$) – районы с высокой товарностью агросектора и низким качеством жизни, что коррелирует с максимальной миграционной убылью; 2) «Сбалансированное, но уязвимое развитие» ($0,8 \leq \text{ИАСД} \leq 1,2$) – территории с относительным равновесием, неустойчивым к внешним шокам; 3) «Комфорт без развития» ($\text{ИАСД} < 0,8$) – характеризуется развитой социальной сферой при слабости аграрного сектора. Для каждого типа определены приоритетные направления политики: в первом – стимулирование перерабатывающих производств и развитие цифровой инфраструктуры; во втором – диверсификация экономики и поддержка кооперации; в третьем – развитие туризма и создание условий для удаленной занятости. Результаты доказывают необходимость адресного подхода, учитывающего не отраслевую эффективность, а баланс экономических и социальных факторов.

Ключевые слова: сельское хозяйство, социальная инфраструктура, сельские территории, дисбаланс, депопуляция, типология, Республика Бурятия.

Для цитирования: Индекс аграрно-социального дисбаланса: методика оценки и типология сельских территорий (на примере Республики Бурятия) / В.С. Баженова, Д.Ж. Малушко, Н.В. Шобдоева и др. // Вестник Казанского государственного аграрного университета. 2026. Т. 21. № 1(81). С. 119-127. doi: 10.31588/2073-0462-2026-21-1-119-127

AGRARIAN-SOCIAL IMBALANCE INDEX: ASSESSMENT METHODOLOGY AND TYPOLOGY OF RURAL AREAS (CASE STUDY OF THE REPUBLIC OF BURYATIA)

© 2026 Bazhenova V. S., Malushko D. Zh., Shobdоеva N. V., Polozova T. V., Vanchikova E. N. ✉

Buryat State Agricultural Academy named after V.R. Filippov

(Ulan-Ude, Russian Federation)

✉ evanch@mail.ru

Abstract. Sustainable development of rural areas is constrained by an imbalance between the economic efficiency of agro-industrial complex and the population's quality of life, which triggers depopulation even as production increases. This problem is particularly acute in regions with a sharply continental climate and traditional agricultural specialization. In the Republic of Buryatia, where livestock farming accounts for 75% of gross agricultural output and rural outmigration remains a persistent trend, a quantitative assessment of this imbalance and a typology of municipal districts were conducted. The study is based on the author's Index of Agrarian-Social Imbalance (IASI), which aggregates indicators of agricultural productivity, natural and climatic conditions and quality of life (provision of social infrastructure, development of transport and digital communications, income level and employment diversification). Calculation of the index for rural municipalities of the region allowed us to distinguish three types of territories: 1) "Efficiency without prospects" ($\text{IASI} > 1.2$) - districts with high marketability of the agricultural sector and low quality of life, which correlates with maximum migration loss; 2) "Balanced but vulnerable development" ($0.8 \leq \text{IASI} \leq 1.2$) - territories with relative equilibrium, unstable to external shocks; 3) "Comfort without development" ($\text{IASI} < 0.8$) - characterized by a developed social sphere with a weak agricultural sector. Priority policy areas have been defined for each type: the first one - stimulation of processing industries and development of digital infrastructure; the second focuses on economic diversification and support for cooperation; the third focuses on tourism

development and creation of conditions for remote employment. The results demonstrate the need for a targeted approach that considers not sectoral efficiency, but the balance of economic and social factors.

Key words: agriculture, social infrastructure, rural areas, imbalance, depopulation, typology, Republic of Buryatia.

For citation: Bazhenova VS, Malushko DZh, Shobdoeva NV, et al. [Agrarian-social imbalance index: assessment methodology and typology of rural areas (case study of the Republic of Buryatia)]. *Vestnik of Kazan State Agrarian University*. 2026; Vol. 21. 1(81). 119-127 p. doi: 10.31588/2073-0462-2026-21-1-119-127

Введение. В современных условиях глобализации и урбанизации одной из ключевых проблем для многих регионов мира, включая Российскую Федерацию, становится устойчивое развитие сельских территорий. Ключевая проблема устойчивого развития сельских территорий во второй половине XX – начале XXI века заключается в нарушении предполагавшейся прямой связи между ростом агропромышленного комплекса и социальным благополучием села. Несмотря на устойчивый рост производительности труда и объемов производства в сельском хозяйстве, что в теории должно было создать ресурсную базу для развития социальной инфраструктуры и закрепления населения, на практике сохраняется устойчивая тенденция к депопуляции. Классические модели, предполагающие, что экономический успех аграрного сектора автоматически ведет к улучшению качества жизни и закреплению населения на селе, на практике оказываются несостоятельными [1, 2, 3]. Это обуславливает необходимость поиска новых, более комплексных подходов к диагностике проблем и выработке адресных мер региональной политики.

Особую остроту эти вызовы приобретают в регионах со сложными природно-климатическими условиями и низкой плотностью населения, к которым относится Республика Бурятия. Расположенная в зоне резко континентального климата и рискованного земледелия, Бурятия демонстрирует высокую зависимость аграрного сектора от климатических колебаний. При этом внутри республики существует значительная дифференциация муниципальных районов как по уровню развития сельского хозяйства, так и по обеспеченности социальной инфраструктурой. Традиционный отраслевой анализ не позволяет в полной мере выявить и измерить дисбаланс между экономической эффективностью сельского хозяйства и социальной привлекательностью территории, являющийся, по нашему предположению, ключевым драйвером миграционного оттока [4].

Вопросы развития сельских территорий и

сельского хозяйства нашли отражение в трудах многих отечественных и зарубежных ученых. Анализ отечественных и зарубежных работ показывает, что взаимосвязь между инфраструктурой, сельским хозяйством и миграцией сложнее модели «лучше условия – меньше отток».

1. Мигранты как агенты изменений. Исследование, проведенное в Камеруне [5], показало, что внутренние мигранты могут становиться катализатором перемен в сельском хозяйстве принимающих регионов. Они приносят с собой новые знания, технологии и методы ведения хозяйства (например, переход от экстенсивного земледелия к интенсивному овощеводству), что ведет к росту производительности. Это означает, что сам факт миграции может модернизировать аграрный сектор, сокращая потребность в ручном труде, что частично объясняет, почему рост производства может сопровождаться сокращением занятости.

2. Социальная инфраструктура как система. Отдельные исследователи подчеркивают, что социальная инфраструктура села – это не просто набор объектов, а сложная система, на которую влияет множество факторов: от аграрной политики и финансового обеспечения до природных условий и системы расселения. Ее развитие напрямую связывают с устойчивым развитием сельских территорий и продовольственной безопасностью [4, 6, 7].

3. Институциональный подход. Также предлагается рассматривать социальную инфраструктуру через призму институтов – правил и организаций, которые координируют экономическую деятельность. Создание территориальных кластеров и государственно-частных партнерств, например, для обучения кадров и адаптации молодежи, рассматривается как способ предотвратить отток населения [7, 8, 9].

Следующие исследования и методологические разработки ярко демонстрируют интегральный подход, объединяющий экономические, социальные и другие компоненты развития села (табл. 1).

Таблица 1 – Существующие подходы/концепции к развитию сельских территорий
Table 1 – Existing approaches/concepts for the development of rural areas

Подход / Концепция	Ключевая характеристика
Территориально-системный подход	Рассмотрение села как целостной социально-экономической системы, где взаимосвязаны население, производство и природа [10, 11]
Социо-эколого-экономическая модель	Балансировка трех компонентов: экономической эффективности, социального благополучия и экологической стабильности [12, 13]
Концепция сбалансированности	Акцент на пропорциональности, согласованности и гармоничном соотношении элементов системы для минимизации дисбалансов [14, 15]

На государственном уровне также закреплен комплексный взгляд на проблему. «Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года» определяет такое развитие как многоаспектный процесс, включающий стабильное социально-экономическое развитие, рост объемов сельхозпроизводства, повышение занятости и уровня жизни населения. Этот документ задает рамки для программ и мониторингов, учитывающих взаимосвязь всех компонентов.

Дисбаланс между экономической эффективностью аграрного сектора (ростом производительности) и уровнем развития социальной инфраструктуры и неаграрных экономических возможностей является системообразующим фактором, определяющим дифференциацию муниципальных районов Бурятии по интенсивности миграционного оттока и социально-экономическому благополучию. Поэтому, целью данного исследования является разработка интегрального показателя для оценки взаимосвязи развития социальной инфраструктуры и эффективности аграрного сектора и его апробация на примере муниципальных районов Республики Бурятия для последующей выработки типологии территорий и адресных рекомендаций.

Условия, материалы и методы. В процессе исследования были использованы официальные данные Бурятстата, отчеты Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Бурятия, а также агроклиматические зонирования территории республики.

Для количественной оценки взаимосвязи между развитием агропромышленного комплекса и социальной инфраструктуры муниципальных районов Республики Бурятия была разработана оригинальная методика расчета Индекса аграрно-социального дисбаланса (ИАСД).

Индекс основан на гипотезе, что движущей силой миграционного оттока является не абсолютный уровень развития агросферы или социальной инфраструктуры, а дисбаланс между экономической эффективностью сельского хозяйства и качеством жизни на селе. Высокая эффективность сельского хозяйства при низком качестве жизни создает «ловушку развития», когда экономические успехи не транслируются в социальное благополучие, ускоряя отток населения.

Индекс аграрно-социального дисбаланса (ИАСД) предлагается рассчитывать по следующей формуле:

$$\text{ИАСД} = (\text{КАТ} \times \text{КМ}) / \text{ИКЖ} \quad (1)$$

где КАТ – коэффициент аграрной трансформации, отражающий экономическую эффективность и технологический уровень сельского хозяйства;

КМ – климатический мультипликатор, корректирующий оценку эффективности с учетом природных рисков;

ИКЖ – индекс качества жизни и возможностей, характеризующий уровень развития социальной инфраструктуры и неаграрных экономических перспектив.

При этом коэффициент аграрной трансформации (КАТ) отражает степень интенсивности и технологической трансформации аграрного сектора и рассчитывается по следующей формуле:

$$\text{КАТ} = (\text{ВПсх} / \text{ЧЗсх}) \times (\text{ДВП} / 100) \quad (2)$$

где ВПсх – валовая продукция сельского хозяйства района в стоимостном выражении (млн руб.);

ЧЗсх – численность занятых в сельском хозяйстве района (чел.);

ДВП – доля товарной продукции (например, товарное мясо, молоко, зерно) в общей структуре ВПсх (%).

Индекс качества жизни и возможностей (ИКЖ) – комплексный показатель, агрегирующий несколько ключевых аспектов социального благополучия и экономических альтернатив, рассчитывается как среднее арифметическое от четырех нормализованных субиндексов (каждый от 0 до 1):

- субиндекс обеспеченности объектами социнфраструктуры (I_1), рассчитывается на основе обеспеченности населения врачами, местами в школах и детсадах, доступом к библиотекам и клубам;

- субиндекс развития транспортной и цифровой инфраструктуры (I_2), учитывает плотность дорог с твердым покрытием, доступность подвижной связи и широкополосного интернета;

- субиндекс уровня доходов (I_3), рассчитывается на основе соотношения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы в районе к среднереспубликанскому значению;

- субиндекс диверсификации экономики (I_4), рассчитывается как доля занятых в сельском хозяйстве от общей численности занятых и отражает наличие альтернативных возможностей для трудоустройства.

Для приведения разнородных показателей к единой шкале от 0 до 1 использовался метод линейного масштабирования (min-max нормализация). Каждый исходный показатель (X) для муниципального района преобразовывался в субиндекс (I) по формуле: $I = (X - X_{\min}) / (X_{\max} - X_{\min})$, где $X_{\min}$ и $X_{\max}$ – минимальное и максимальное значения показателя по всем исследуемым районам. Это позволяет унифицировать вклад каждого фактора в интегральный индекс.

Климатический мультипликатор (КМ) вводится для корректного сравнения районов с разными природными условиями. Он понижает оценку эффективности для районов с благоприятными условиями и повышает – для районов с суровым климатом, где достижение высокой продуктивности требует больших усилий. Предполагается следующая шкала значений КМ:

- 1,2 – районы с наиболее благоприятными условиями (например, южные районы с умеренными осадками);

- 1,0 – районы со средними условиями;

- 0,8 – районы с неблагоприятными и рискованными условиями (северные, высокогорные районы, зоны частых засух).

Результаты и обсуждение. В Республике Бурятия в последнее десятилетие наблюдается устойчивый рост валовой продукции сельского хозяйства, который обеспечивается не за счет увеличения численности занятых, а благодаря интенсификации производства, внедрению технологий и, возможно, концентрации активов. Доля занятых в сельском хозяйстве республики неуклонно снижается, что соответствует глобальной модели. При этом, валовой выпуск сельхозпродукции на душу населения или на одного занятого существенно различается по районам. Так, районы с развитым товарным животноводством (например, Мухоршибирский) показывают значительно более высокие показатели экономической эффективности, чем районы, ориентированные на подсобные и личные хозяйства. Эффективность аграрного сектора многих муниципалитетов остается критически зависимой от различных форм государственных субсидий и дотаций, что делает ее уязвимой к изменениям в бюджетной политике.

Социальная сфера сельских территорий Бурятии характеризуется рядом системных проблем, усиливающих дисбаланс. Сохраняется проблема шаговой доступности объектов первой необходимости (фельдшерско-акушерских пунктов, школ, детских садов) в малых и удаленных населенных пунктах. Процессы оптимизации сети социальных учреждений, хотя и экономически обоснованы, зачастую ведут к дальнейшему ухудшению качества жизни. Низкая плотность и качество автомобильных дорог с твердым покрытием в большинстве районов, особенно в межселенной местности, являются серьезным барьером для развития. Неравномерное развитие сотовой связи и широкополосного интернета ограничивает доступ сельских жителей к дистанционному образованию, телемедицине и удаленной работе, сужая спектр неаграрных экономических возможностей. Уровень денежных доходов населения в сельской местности, как правило, ниже среднереспубликанского показателя. Экономика многих районов моноспециализирована, что создает мощный выталкивающий фактор для экономического активного населения.

Проведенный анализ подтверждает наличие в Республике Бурятия ярко выраженной внутрирегиональной дифференциации по уровню развития сельского хозяйства и социальной инфраструктуры. Сельское хозяйство республики, несмотря на устойчивую животноводческую специализацию (около 75% валовой продукции), демонстрирует значительную межрайонную разницу в эффективности:

в 2024 году инвестиции в экономику региона сократились на 35%, а валовой сбор зерна к 2025 году ожидается на 25% ниже. Социальная сфера также характеризуется глубоким неравенством: в 2024 году разрыв в доходах между 10% самых богатых и 10% самых бедных жителей достиг 12,3 раз, а индекс Джини, измеряющий неравенство, вырос до 0,379. Острую проблему представляет кадровый дефицит в ключевых отраслях, где на одну вакансию врача приходится лишь 1,2 резюме при норме в 4-8. Существующие статистические показатели, рассматриваемые по отдельности, не позволяют количественно оценить взаимосвязь между этими двумя сферами и выявить территории с наибольшим дисбалансом.

Республика Бурятия, обладая значительным природно-ресурсным и аграрным потенциалом, в то же время сталкивается с классическими вызовами депопуляции сельских территорий, которые усугубляются ее особым географическим положением и природоохранным статусом. Ключевые особенности, влияющие на дисбаланс:

1. Природоохранный режим. Значительная часть территории республики (включая центральную экологическую зону) относится к Байкальской природной территории, что накладывает строгие ограничения на хозяйственную деятельность, включая ведение сельского хозяйства. Это создает дополнительный структурный фактор, влияющий на экономические возможности как сельского хозяйства, так и на развитие неаграрных секторов.

2. Структура сельского хозяйства. Сельское хозяйство республики имеет ярко выраженную животноводческую специализацию, на которую приходится около 75% валовой продукции сельского хозяйства. Это определяет высокую зависимость от состояния кормовой базы, которая, в свою очередь, уязвима к климатическим колебаниям. Растениеводство ориентировано в основном на производство кормов и имеет ограниченный характер в силу природных условий.

3. Пространственная дифференциация. Муниципальные районы Бурятии сильно различаются по своим агроклиматическим и экономическим потенциалам. Условно можно выделить:

- Южные и центральные районы (например, Мухоршибирский, Тарбагатайский, Иволгинский), имеющие относительно благоприятные условия для ведения сельского хозяйства, высокую плотность населения, лучше развитую инфраструктуру;

- Северо-западные районы (Баунтовский, Эвенкийский, Окинский), для которых характерны экстремальные природные условия, очаговый характер расселения, слабо развитая транспортная и социальная сеть, преобладание традиционных промыслов.

4. Демографический тренд. Несмотря на

некоторую стабилизацию в последние годы, республика в целом сохраняет отрицательное сальдо миграции, наиболее выраженное именно в сельской местности. Трудоспособное население мигрирует в г. Улан-Удэ и в другие регионы России в поисках более высоких доходов и качественного образования.

На основе рассчитанных значений индекса аграрно-социального дисбаланса все муниципальные районы Республики Бурятия были классифицированы на три кластера (табл. 2). При интерпретации значений индекса мы исходили из следующих предположений:

- ИАСД > 1 – свидетельствует о наличии дисбаланса в сторону аграрной эффективности, экономический потенциал сельского хозяйства опережает социальное развитие территории («Эффективность без перспектив»);

- ИАСД ≈ 1 – указывает на сбалансированное развитие или сопоставимые темпы роста обоих компонентов;

- ИАСД < 1 – отражает дисбаланс в сторону социальной инфраструктуры при низкой эффективности сельского хозяйства («Комфорт без развития»).

Таблица 2 – Типология муниципальных районов Республики Бурятия на основе значения индекса аграрно-социального дисбаланса (ИАСД)

Table 2 – Typology of municipal districts of the Republic of Buryatia based on the value of the agrarian-social imbalance index (ASII)

Тип кластера	Диапазон ИАСД	Ключевая характеристика	Примеры муниципальных районов
I. Эффективность без перспектив	ИАСД $> 1,2$	Высокая экономическая эффективность сельского хозяйства при относительно низком качестве жизни и ограниченных альтернативах занятости. Максимальный риск депопуляции.	1. Мухоршибирский 2. Бичурский 3. Кижингинский 4. Джидинский 5. Хоринский 6. Еравнинский
II. Сбалансированное, но уязвимое развитие	$0,8 \leq \text{ИАСД} \leq 1,2$	Умеренный дисбаланс. Относительное равновесие между аграрной эффективностью и социальными условиями, но устойчивость хрупка и зависит от внешней конъюнктуры и климата.	7. Иволгинский 8. Тарбагатайский 9. Заиграевский 10. Кабанский 11. Селенгинский 12. Тункинский
III. Комфорт без развития	$0,5 \leq \text{ИАСД} < 0,8$	Относительно развитая социальная инфраструктура при низкой эффективности и товарности аграрного сектора. Экономика держится на бюджетной сфере, трансфертах.	13. Прибайкальский 14. Баргузинский 15. Курумканский 16. Баунтовский эвенкийский 17. Окинский 18. Северо-Байкальский 19. Муйский 20. Закаменский 21. Кяхтинский

Расчет составных элементов ИАСД выявил следующие закономерности.

Наибольшие значения коэффициента аграрной трансформации (КАТ) показали районы с высокотоварным животноводством и значительными объемами растениеводства. В первую очередь, это районы I кластера: Мухоршибирский, Бичурский, Кижингинский, Джидинский, Хоринский и Еравнинский. Здесь высокая доля товарной продукции (мясо, молоко, зерно) в сочетании с производительностью труда формирует экономический фундамент агросектора.

Наименьшие значения КАТ зафиксированы в северных и горных районах, вошедших в III кластер: Окинский, Баунтовский эвенкийский, Муйский, Северо-Байкальский. В этих муниципалитетах сельское хозяйство

представлено преимущественно личными подсобными хозяйствами и ориентировано на удовлетворение внутрисемейных потребностей, а не на товарное производство. Суровые природные условия и транспортная изоляция делают развитие товарного АПК экономически нецелесообразным.

Анализ индекса качества жизни и возможностей (ИКЖ) показал иную картину. Наивысшие значения ИКЖ сконцентрированы, прежде всего, в пригородных районах II кластера, обладающих развитой транспортной сетью и близостью к рынкам сбыта и занятости г. Улан-Удэ. К ним относятся Иволгинский, Тарбагатайский, Заиграевский и Кабанский районы. Высокие значения ИКЖ также демонстрируют районы с развитой рекреационной сферой и туристическим потенциалом, такие как Тункинский

(вошедший во II тип) и Прибайкальский (III тип), где качество жизни поддерживается за счет неаграрных секторов экономики, даже при слабости товарного сельского хозяйства.

Низкие значения ИКЖ, предсказуемо, характерны для отдаленных, труднодоступных районов III кластера: Баунтовского, Окинско-го, Муйского, Северо-Байкальского, Курумканского, где недостаточно развиты транспортная и социальная инфраструктуры, а уровень доходов населения существенно ниже среднереспубликанского.

Значения климатического мультипликатора варьировались от 0,7 (для северных и высокогорных районов с экстремальными условиями, таких как Окинский, Баунтовский) до 1,15 (для южных районов с относительно благоприятными условиями – Мухоршибирский, Бичурский, Джидинский). Это позволило скорректировать оценку аграрной эффективности, «повысив» ее для территорий, где высокие результаты достигаются ценой больших усилий и рисков.

Произведение скорректированной аграрной эффективности (КАТ × КМ), отнесенное к индексу качества жизни (ИКЖ), дало итоговое значение ИАСД. В результате все 21 муниципальный район были распределены по трем кластерам.

Районы с наиболее высоким КАТ – Мухоршибирский и Бичурский, Кижингинский, Джидинский – продемонстрировали наибольший дисбаланс (ИАСД > 1,2), сформировав I кластер «Эффективность без перспектив». Это означает, что их экономические успехи в сельском хозяйстве не трансформируются в повышение качества жизни, достаточное для удержания населения. Статистические данные подтверждают этот вывод: за 2019-2023 годы совокупное отрицательное сальдо миграции составило -971 человек в Бичурском районе и -931 человек в Мухоршибирском районе, что является максимальными показателями убыли среди всех сельских территорий республики. Высокая миграционная убыль фиксируется и в других районах этого кластера, что убедительно доказывает: инвестиции в агротехнологии без параллельного развития социальной сферы не только не останавливают депопуляцию, но и могут усугублять ее, повышая требования к качеству жизни у более производительной рабочей силы.

II кластер «Сбалансированное, но уязвимое развитие» ($0,8 \leq \text{ИАСД} \leq 1,2$) представлен районами, где достигнут относительный паритет между аграрной эффективностью и качеством жизни. Это, прежде всего, пригородные Иволгинский, Тарбагатайский, Заиграевский, Кабанский районы, а также Тункинский район, где туристический потенциал компенсирует умеренную аграрную эффективность. Однако устойчивость этого баланса хрупка. В Иволгинском и Тарбагатайском районах она сильно зависит от рынка труда и не-движимости агломерации Улан-Удэ, а в

Тункинском – от турпотока и климатических условий, влияющих на кормовую базу.

III кластер «Комфорт без развития» ($\text{ИАСД} < 0,8$) объединил оставшиеся 9 муниципалитетов: Прибайкальский, Баргузинский, Курумканский, Баунтовский эвенкийский, Окинский, Северо-Байкальский, Муйский, Закаменский и Кяхтинский. Эти территории характеризуются либо относительно развитой (на фоне сельской местности) инфраструктурой при слабом товарном сельском хозяйстве (Прибайкальский), либо крайне низкой аграрной эффективностью в сочетании с неразвитой инфраструктурой (северные районы). Попадание, например, Кяхтинского района в этот кластер объясняется деградацией аграрного сектора в постсоветский период при сохранении определенного инфраструктурного каркаса, доставшегося от статуса приграничного центра. Для всех районов этого типа характерна либо моноспециализация на бюджетной сфере, либо ориентация на традиционные промыслы, либо наличие туристического потенциала, который пока не реализован в полной мере.

Таким образом, индекс ИАСД позволяет не только констатировать факт депопуляции, но и выявлять ее природу: в I кластере отток вызван «выталкиванием» из-за контраста между высокой эффективностью труда и низким качеством среды; в III кластере – «выталкиванием» из-за общего отсутствия экономических перспектив. Это различие критически важно для выработки адресной политики.

Выводы. Ключевым фактором депопуляции сельских территорий является не абсолютный уровень развития агросферы или социальной инфраструктуры, а дисбаланс между ними. Выявлена пространственная неоднородность развития, проблемы сельских территорий Бурятии носят разнородный характер и требуют дифференцированного подхода. Универсальные решения для всех районов неэффективны. Разработанный и апробированный на муниципальных районах Республики Бурятия Индекс аграрно-социального дисбаланса (ИАСД) позволил выделить три четких типа территорий. Индекс ИАСД позволяет не только констатировать существующие проблемы, но и выявлять их природу, определяя, что является основным драйвером неблагополучия: гипертрофированное развитие сельского хозяйства, слабость социальной сферы или системная деградация обоих компонентов.

Районы с наиболее высокими показателями экономической эффективности сельского хозяйства (Мухоршибирский, Бичурский) демонстрируют наибольший дисбаланс ($\text{ИАСД} > 1,2$), что свидетельствует о модели «Эффективность без перспектив». Рост производительности в агросекторе без параллельного улучшения качества жизни и создания альтернативных возможностей для занятости усугубляет миграционный отток.

На основе построенной типологии для каждого кластера муниципальных районов предлагается адресный набор мер государственной и региональной политики.

Для кластера I («Эффективность без перспектив»), приоритетом развития должна стать трансформация экономического успеха сельского хозяйства в социальный капитал. В качестве возможных мер по развитию первого кластера предлагаются следующие меры:

- стимулирование инвестиций в перерабатывающие производства на территории районов для создания новых рабочих мест с высокой добавленной стоимостью вне первичного сельхозпроизводства;
- реализация целевых программ по развитию социальной, инженерной и цифровой инфраструктуры, софинансируемых за счет средств, генерируемых эффективным сельским хозяйством (например, через механизмы государственно-частного партнерства);
- развитие образовательных программ и программ поддержки малого бизнеса в сферах, сопутствующих развитию территории (агротуризм, логистика, ремонт техники).

Для кластера II («Сбалансированное, но уязвимое развитие»), в качестве приоритета развития предлагается повышение устойчивости и диверсификация экономики:

- поддержка кооперации и кластеризации малых форм хозяйствования для повышения их конкурентоспособности;
- развитие несырьевого экспорта и нишевых направлений (органическое сельское хозяйство, производство продукции с географическим указанием);
- инвестиции в адаптацию к климатическим изменениям (внедрение влагосберегающих технологий, страхование урожая).

Для кластера III («Комфорт без развития»), предлагается создание неаграрных точек экономического роста:

- активное развитие туристического кластера, поддержка малого и среднего предпринимательства в сфере услуг;
- создание условий для развития удаленной занятости (цифровая инфраструктура, коворкинги);
- реализация программ переобучения и повышения квалификации кадров для работы в новых секторах экономики.

Литература

- 1.Скоморощенко А. А., Першукевич И. П. Экономическая оценка человеческого потенциала сельских территорий муниципального образования // Труды Кубанского государственного аграрного университета. 2023. № 105. С. 40-48. doi: 10.21515/1999-1703-105-40-48.
- 2.Lewis W. A. Economic Development with Unlimited Supplies of Labour [Электронный ресурс] // The Manchester School. 1954. Vol. 22, № 2. P. 139-191. doi: 10.1111/j.1467-9957.1954.tb00021.x
- 3.Todaro, M. P. A Model for Labor Migration and Urban Unemployment in Less Developed Countries // The American Economic Review. 1969. Vol. 59. No. 1. P. 138-148. URL: Downloads: (external link) [http://links.jstor.org/sici?sici=0002-8282%281969%...O%3B2-M&origin=repec_full_text\(application/pdf\)](http://links.jstor.org/sici?sici=0002-8282%281969%...O%3B2-M&origin=repec_full_text(application/pdf)) Access to full text is restricted to JSTOR subscribers. See <http://www.jstor.org> for details. (accessed: 01.11.2025).
- 4.Решетникова Н. В., Бочарова Е. В. Комплексный анализ взаимосвязи экономических и социокультурных аспектов фермерства // Международный сельскохозяйственный журнал. 2025. № 3(405). С. 340-344. doi: 10.55186/25876740_2025_68_3_340.
- 5.Migration and agricultural development in the Santchou Landscape of Cameroon / T. H. Ngong, B. Ja. Yenlajai, S. J. P. Tume [et al.] // Discover Sustainability. 2025. Vol. 6, No. 1. P. 165. doi: 10.1007/s43621-025-00976-6.
- 6.Устойчивое развитие сельских территорий в системе территориального планирования и пространственного развития / М. А. Смирнова, О. В. Гвоздева, И. В. Чуксин, А. О. Ганичева // Международный сельскохозяйственный журнал. 2021. № 5(383). С. 9-12. doi: 10.24412/2587-6740-2021-5-9-12.
- 7.Семенов В. А., Семенов А. В. Моделирование влияния факторов на численность сельского населения // Экономика сельского хозяйства России. 2025. № 12. С. 119-123. doi: 10.32651/2512-119.
- 8.Miroshnichenko I. V., Samarkina I. V., Tereshina M. V. The Leadership in the Institutional System of Rural Development Policy: The Results of the Empirical Study in Krasnodar Region // RUDN Journal of Political Science. 2023. Vol. 25, No. 3. P. 677-698. doi: 10.22363/2313-1438-2023-25-3-677-698.
- 9.Кучковская Н. В. Институты социального развития сельских территорий // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 4В. С. 414-420.
- 10.Калафатов Э. А. Понятие «сельские территории» в аспекте стратегии устойчивого развития // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2022. № 2(59). С. 183-193.
- 11.Фонотов А. Г., Бергаль О. Е. Территориальные кластеры в системе пространственного развития: зарубежный опыт // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 4. С. 113-135. doi: 10.14530/se.2020.4.113-135.
- 12.Загазежева О. З., Бжихатлов К. Ч. Разработка модели взаимодействия в социо-эколого-экономической системе сельских территорий в условиях внедрения новых технологий // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2022. № 6(110). С. 194-202. doi:10.35330/1991-6639-2022-6-110-194-202.
- 13.Сергиенко О. В. Социо-эколого-экономические аспекты устойчивого безопасного развития сельского хозяйства // Финансовая экономика. 2021. № 10. С. 193-199.
- 14.Семенов А. В., Фигурек А. Определение конкурентных преимуществ сельских территорий ЕС // Экономика сельского хозяйства России. 2026. № 1. С. 144-149. doi: 10.32651/261-144.
- 15.Вертакова Ю. В., Логинов И. С. Региональная сбалансированность как фактор обеспечения экономической безопасности // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2024. № 2 (60). С. 5-9.

References

1. Skomoroshchenko AA, Pershukovich IP. [Economic assessment of the human potential of rural territories of a municipality]. Trudy Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2023; 105. 40-48 p. doi: 10.21515/1999-1703-105-40-48.

2. Lewis WA. Economic development with unlimited supplies of labour. [Internet]. The Manchester School. 1954; Vol.22. No.2. 139-191 p. doi: 10.1111/j.1467-9957.1954.tb00021.x
3. Todaro MP. A model for labor migration and urban unemployment in less developed countries. [Internet]. The American Economic Review. 1969; Vol.59. No.1. 138-148 p. [cited 2025, November 1]. Available from: [http://links.jstor.org/sici?sici=0002-8282%281969%...O%3B2-M&origin=repec_full_text \(application/pdf\)](http://links.jstor.org/sici?sici=0002-8282%281969%...O%3B2-M&origin=repec_full_text%28application%2Fpdf%29) Access to full text is restricted to JSTOR subscribers. See <http://www.jstor.org> for details.
4. Reshetnikova NV, Bocharova EV. [Comprehensive analysis of relationship between economic and social-cultural aspects of farming]. *Mezhdunarodnyy selskokhozyaystvennyy zhurnal*. 2025; 3(405). 340-344 p. doi: 10.55186/25876740_2025_68_3_340.
5. Ngong TH, Yenlajai BJa, Tume SJP. Migration and agricultural development in the Santchou Landscape of Cameroon. *Discover Sustainability*. 2025; Vol.6. No.1. 165 p. doi: 10.1007/s43621-025-00976-6.
6. Smirnova MA, Gvozdeva OV, Chuksin IV, Ganicheva AO. [Sustainable development of rural areas in the system of territorial planning and spatial development]. *Mezhdunarodnyy selskokhozyaystvennyy zhurnal*. 2021; 5(383). 9-12 p. doi: 10.24412/2587-6740-2021-5-9-12.
7. Semenov VA, Semenov AV. [Modeling the impact of factors on the size of rural population]. *Ekonomika selskogo khozyaystva Rossii*. 2025; 12. 119-123 p. doi: 10.32651/2512-119.
8. Miroshnichenko IV, Samarkina IV, Tereshina MV. The leadership in the institutional system of rural development policy: the results of the empirical study in Krasnodar region. *RUDN Journal of Political Science*. 2023; Vol.25. No.3. 677-698 p. doi: 10.22363/2313-1438-2023-25-3-677-698.
9. Kuchkovskaya NV. [Institutions for social development of rural territories]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*. 2022; Vol.12. 4B. 414-420 p.
10. Kalafatov EA. [“Rural areas” concept in the context of sustainable development strategy]. *Nauchnyy vestnik: finansy, banki, investitsii*. 2022; 2(59). 183-193 p.
11. Fonotov AG, Bergal OE. [Territorial clusters in the spatial development system: foreign experience]. *Prostranstvennaya ekonomika*. 2020; Vol.16. 4. 113-135 p. doi: 10.14530/se.2020.4.113-135.
12. Zagazezheva OZ, Bzhikhatlov KCh. [Development of a model of interaction in social-ecological-economic system of rural territories in the context of new technologies introduction]. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*. 2022; 6(110). 194-202 p. doi:10.35330/1991-6639-2022-6-110-194-202.
13. Sergienko OV. [Social-ecological-economic aspects of sustainable safe development of agriculture]. *Finansovaya ekonomika*. 2021; 10. 193-199 p.
14. Semenov AV, Figurek A. [Definition of competitive advantages of rural territories of the EU]. *Ekonomika selskogo khozyaystva Rossii*. 2026; 1. 144-149 p. doi: 10.32651/261-144.
15. Vertakova YuV, Loginov IS. [Regional balance as a factor in ensuring economic security]. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsialnaya sfera, tekhnologii*. 2024; 2(60). 5-9 p.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах:

Баженова Валентина Семеновна – доктор экономических наук, профессор, старший научный сотрудник межкафедральной научной лаборатории экономики сельского хозяйства и природопользования Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова (670010, Российская Федерация, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, 8), e-mail: valbazh@mail.ru, ORCID 0009-0005-7267-7875

Малушко Дарима Жамбиевна – аспирант кафедры бухгалтерского учета и аудита Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова (670010, Российская Федерация, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, 8), e-mail: daramg@yandex.ru, ORCID 0009-0009-9241-7703

Полозова Татьяна Владимировна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры технологии производства, переработки и стандартизации сельскохозяйственной продукции Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова (670010, Российская Федерация, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, 8), e-mail: tatianapolozova@inbox.ru, ORCID 0009-0007-8954-1522

Шобдоева Надежда Валерьевна – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и организации АПК Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова (670010, Российская Федерация, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, 8), e-mail: shnv2019@mail.ru, ORCID 0009-0003-0773-5325

Ванчикова Елена Николаевна – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова (670010, Российская Федерация, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, 8), e-mail: evanch@mail.ru, ORCID 0000-0002-6206-0178

Вклад авторов:

В.С. Баженова - научное руководство, обеспечение ресурсами, научное редактирование текста;
Д.Ж. Малушко - концептуализация исследования, разработка методологии, сбор и анализ данных, написание исходного текста, подготовка финальной версии, визуализация данных, интерпретация результатов и формулировка выводов;

Н.В. Шобдоева - сбор данных, обработка и систематизация данных;

Т.В. Полозова - научное редактирование текста;

Е.Н. Ванчикова - сбор данных, обработка и систематизация данных.

Все авторы ознакомились и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 12.11.2025; одобрена после рецензирования 17.03.2026; принята к публикации 01.04.2026.

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Authors:

Bazhenova Valentina Semenovna – Doctor of Economics, Professor, senior researcher of Interdepartmental Scientific Laboratory of Agricultural Economics and Nature Management Buryat State Agricultural Academy named after V.R. Filippov (8 Pushkina Street, Ulan-Ude, 670010, Russian Federation), e-mail: valbazh@mail.ru, ORCID 0009-0005-7267-7875

Malushko Darima Zhambievna – post-graduate student of Accounting and Auditing Department Buryat State Agricultural Academy named after V.R. Filippov (8 Pushkina Street, Ulan-Ude, 670010, Russian Federation), e-mail: daramg@yandex.ru, ORCID 0009-0009-9241-7703

Polozova Tatyana Vladimirovna – Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor of Department of Technology of Production, Processing, and Standardization of Agricultural Products Buryat State Agricultural Academy named after V.R. Filippov (8 Pushkina Street, Ulan-Ude, 670010, Russian Federation), e-mail: tatianapolozova@inbox.ru, ORCID 0009-0007-8954-1522

Shobdoeva Nadezhda Valerevna – Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Economics and Organization of the Agro-Industrial Complex Buryat State Agricultural Academy named after V.R. Filippov (8 Pushkina Street, Ulan-Ude, 670010, Russian Federation), e-mail: shnv2019@mail.ru, ORCID 0009-0003-0773-5325

Vanchikova Elena Nikolaevna – Doctor of Economics, Professor of Management Department Buryat State Agricultural Academy named after V.R. Filippov (8 Pushkina Street, Ulan-Ude, 670010, Russian Federation), e-mail: evanch@mail.ru, ORCID 0000-0002-6206-0178

Contribution of the authors:

V.S. Bazhenova – Supervision, Resources, Writing – review & editing;

D.Zh. Malushko – Conceptualization, Methodology, Investigation, Writing – original draft, Writing – review & editing, Visualization, Validation;

N.V. Shobdoeva – Investigation, Data curation;

T.V. Polozova – Writing – review & editing;

E.N. Vanchikova – Investigation, Data curation.

The authors have reviewed and approved the final manuscript.
Submitted 12.11.2025; revised 17.03.2026; accepted 01.04.2026.

